

— чистое искусство —

Perpetuum mobile современного балета

“Мои балеты — не развлечение, не искусство лишь для глаз. Для меня речь всегда идет о больших человеческих проблемах и основных жизненных ситуациях”.

Джон Ноймайер.

Сенсацией этого театрального сезона стала премьера в Мариинском театре — первая в России постановка именитого хореографа Джона Ноймайера. Со времен Петипа на российских сценах не работали приглашенные европейские балетмейстеры (гастролировали — да, но не ставили новые спектакли). Джон Ноймайер — знаковая фигура мирового балета: директор Гамбургского театра, превративший Staatsoper в объект балетного паломничества, автор более 100 спектаклей, обладатель престижных премий и наград королевских домов Европы.

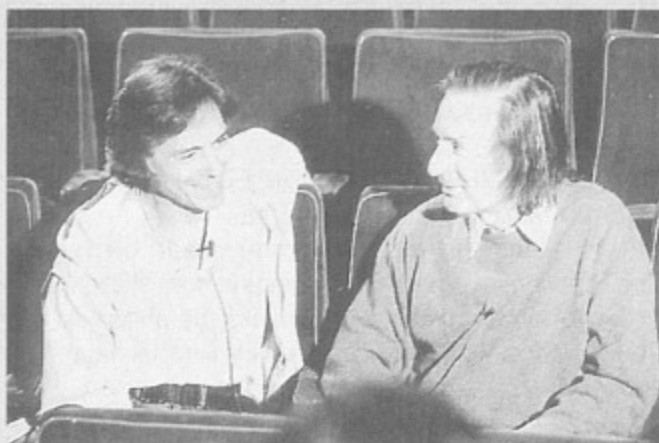
В Петербурге Ноймайер поставил трехчастный спектакль из трех балетов. Два из них были созданы ещё в 90-х годах и перенесены на петербургскую сцену: “Spring and Fall (Весна и осень)” на серенаду для струнного оркестра А. Дворжака и “Now and then (Теперь и тогда)” на фортепианный концерт М. Равеля.

Мировой премьерой стал третий балет — “Звуки пустых страниц” на музыку А. Шнитке (Концерт для альта с оркестром, 1985) — его балетмейстер сочинил и поставил специально для Мариинского театра. Это создало балетмейстеру определенные трудности: петербургская труппа организована согласно принципам XIX века — премьеры, солисты, корифеи и огромный кордебалет. Позиция Ноймайера: “ставить на ансамбль”, поднимать кордебалет до уровня звезд — У. Лопаткиной, С. Захаровой, Д. Вишневой, В. Баранова, А. Фадеева. И балетмейстер осуществил свой замысел — ведь учиться новому, неклассическому языку хореографии пришлось всем артистам на равных.

Все три опуса представляют собой балеты-симфонии: их смысл и хореография

исходят из музыки (в отличие от сюжетных балетов, создающихся на либретто или литературное сочинение, под которые подбирается музыка). Здесь первична музыка, в ней хореограф интуитивно прозревает эмоциональную и пластическую идею, подобно тому, как ваятель видит в глыбе камня будущую скульптуру. Пиетет перед симфоническим произведением обязует хореографа не “привязывать” к нему конкретного сюжета, поэтому его творения умышленно метафоричны и ассоциативны.

Сюита хореографических миниатюр Ноймайера — своего рода трилогия о Жизни. Первый балет окрашен весенней взволнованностью любви, второй насыщен урбанистическими ритмами, третий — диалог Гения и Смерти. Трепетность всепоглощающей юной любви противопоставлена хореографом жесткой обособленности городского общества, далее Любовь и общество переплетаются в потоке воспоминаний Гения, представшего пред ликом Смерти. В двух балетах Ноймайер

выступает как сценограф и автор концепции света. Постепенное нарастание эмоциональной напряженности спектакля проявляется в цвете: от лирического лилейно-зеленого к траурно-черному, замыкая вовнутрь тревожаще-красное (II балет - сценограф З.Браун). Триада выстроена предельно строго: извечны Любовь и Смерть, пребывающие вне времени и пространства, Город — земной мир и принадлежит своему времени и эпохе.

“Звуки пустых страниц” — притча о Жизни и Смерти. Импульсом к этому балету стал образ пустых страниц, которые никогда не будут заполнены нотами. Обращение хореографа к музыке Шнитке есть дань памяти друга и дар стране, где он жил так долго. Композитор подчеркивал мемориальный характер своего сочинения: “Концерт для альта имеет в каком-то смысле завершающее значение, ведь спустя 9 дней после окончания работы у меня случился инсульт... Как будто предугадывая то, что будет, я написал музыку, которая характеризуется ощущением торопливого бега по жизни во II части — и медленной, и грустной ретроспективой на грани смерти в III части”.

Пять белых листов-планшетов на бездонно пустой и бездонно черной сцене. С напряжением выводимая на них линия

обрывается бессильным росчерком, это срывается перо в руке Композитора. Слово захлебнувшаяся кардиограмма, этот зигзаг пронзает весь балет, став его нервом. Стоическое предстояние у “бездны мрачной на краю” окутано образами-воспоминаниями, приносящими герою отраду и страдание: Музы, жестокосердная Толпа, Возлюбленная и вечный спор с Alter ego. Листы повержены — они останутся пустыми. Навсегда. Дуэт Композитора со Смертью исполнен лирической исповедальности и стойкости духа. Пронзая последний лист, Композитор уходит в бездну, оставив черную дыру как прозрение тайны бытия в последнем своем концерте.

Финальный балет придает трехчастному спектаклю символическую целостность, но не ставит точку — ибо прорыв в трансцендентное оставляет миру написанные страницы.

Постановка Ноймайера — симбиоз глубокого переживания и интел-лектуальной рефлексии. Откровенная рассудочность “непрерывного движения эмоции” предстает в образе философичного ребуса, требующего рациональной разгадки больше, чем чувственного отклика. Балеты Ноймайера подобны инсталляции в пространстве академического музея (каковым часто и заслуженно величают Мариинский театр). Дадут ли они импульс театру, как некогда гастролы Дункан, Баланчина и Бежара, или останутся эпатажным экспериментом? Насколько органично (и надолго ли) впишутся они в репертуар петербургской труппы, искони живущей и творящей в традиции “музыка для глаз”?

Алёна ВАСИЛЬЕВА

Фотографии из буклета “Три балета Джона Ноймайера” /МАРИИНСКИЙ ТЕАТР/ 1. Д. Вишнева на репетиции балета “Звуки пустых страниц”. 2. Два Мастра: Джон Ноймайер и Альфред Шнитке. 1989. 3. У. Лопаткина и В. Баранов на репетиции балета “Звуки пустых страниц”

